

«СВЯЩЕННЫЕ И НЕПРИКОСНОВЕННЫЕ»

В «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского приводится описание действия одного из «законов», обеспечивающих Индии достаток в продовольствии. Имеет смысл привести его полностью: *συμβάλλονται δὲ παρὰ τοῖς Ἴνδοις καὶ τὰ νόμιμα πρὸς τὸ μηδέποτε ἔνδειαν τροφῆς παρ' αὐτοῖς εἶναι*᾽ παρὰ μὲν γὰρ τοῖς ἄλλοις ἀνθρώποις οἱ πολέμοιοι καταφθείροντες τὴν χώραν ἀγεώρητον κατασκευάζουσι παρὰ δὲ τούτοις τῶν γεωργῶν ἱερῶν καὶ ἀσύλων ἐωμένων οἱ πλησίον τῶν παρατάξεων γεωργοῦντες ἀνεπαίσθητοι τῶν κινδύνων εἰσίν. ἀμφοτέρω γὰρ οἱ πολεμοῦντες ἀλλήλους μὲν ἀποκτείνουσι ἐν ταῖς μάχαις τοὺς δὲ περὶ τὴν γεωργίαν ὄντας ἐώσιν ἀβλαβεῖς ὡς κοινούς ὄντας ἀπάντων εὐεργέτας τὰς τε χώρας τῶν ἀντιπολεμούντων οὐτ' ἐμπυρίζουσι οὐτε δεινροτομοῦσι (Diod. II. 36. 6–7) («У индийцев и законы способствуют тому, чтобы никогда не было у них недостатка пищи. Ведь у других людей враги, причиняя вред сельской местности, делают ее непригодной для земледелия, а поскольку у индийцев земледельцы считаются священными и неприкосновенными, они поблизости от сражающихся занимаются своими работами, не замечая опасности. Ведь обе воюющие стороны убивают друг друга в сражениях, а тем, кто занимается земледелием, не причиняют никакого вреда, ибо считают их всеобщими благодетелями и земли противника не губят ни огнем, ни вырубкой деревьев»¹). Этот же сюжет другими словами воспроизведен Аррианом (Ind. 11.10: οὐ θέμις σφιν ἄπτεισθαι οὐδὲ αὐτὴν τὴν γῆν τέμνειν) и Страбоном (XV. 1.40: ἀστρατεία καὶ ἀδεία ἐργάζεσθαι), однако оба они сообщают лишь о том, что земледельцы могут в безопасности обрабатывать землю и не упоминает об их общественном статусе. Несмотря на то, что Диодор не конкретизирует источник своего сообщения, приведенные выше сведения Страбона (XV. 1.40) и Арриана (Ind. 11. 10) показывают, что информатором Диодора в данном случае мог быть только Мегасфен – посол Селевка Никатора ко двору индийского царя Чандрагупты Маурья: известно, что описание «семи классов» древнеиндийского общества² у Страбона и Арриана, где упоминается этот «закон», представлено Мегасфеном (Strabo. XV. 1. 39; Arr. Ind. 11–12).

Исследователи давно обратили внимание на то, что это сообщение не подтверждается индийской традицией и выглядит совершенно чужеродным в описании Индии, данном Мегасфеном. Однако интерпретация данного фрагмента Диодора Сицилийского в индологической литературе не дала до сих пор положительных результатов, и в последнее время в исследованиях, оперирующих данными античных источников об Индии, он не рассматривается вовсе. Так, О. Штайн ограничился на этот счет лишь следующим замечанием: «Невероятно, но время во время боевых действий земледельцы оставались нетронутыми», утверждая тем самым, что Мегасфен погрешил против истины, представив не индийскую действительность, а свои фантазии³. Рассматривая обозначение земледельцев как *ἱεροὶ καὶ ἄσυλοι*, В. Дикшитар предположил, что подобным образом Мегасфен стремился передать общую для древнеиндийской политической мысли идею о царе как защитнике всех

¹ Перевод В.В. Вертоградской (Хрестоматия по истории древнего Востока. Т. 2. М., 1980. С. 124). Необходимо отметить, что цитируемый перевод не передает всех деталей, содержащихся в греческом тексте. Так перевод понятия *τὰ νόμιμα* как «законы» явно не точен. Вернее было бы перевести его как «обычай», поскольку *τὰ νόμιμα* не тождественны законодательным актам верховной власти, передаваемым понятием *νόμος*. Кроме того, земледельцы в Индии не просто считались «священными и неприкосновенными». Причастие *ἐωμένων* от глагола *ἐώω* указывает на то, что этот статус им был предоставлен, и им была именно дана возможность обладать положением «священных и неприкосновенных».

² Об этом см. Бухарин М.Д. Описание индийского государства в «Индице» Мегасфена // ВДИ. 1997. № 3. С. 138–149.

³ Stein O. Megasthenes und Kautilya. Wien, 1921. S. 126.

подданных: поскольку царь всех защищает, то и земледельцам нечего бояться за свои поля во время боевых действий⁴. Согласно предположению Д. Дерретта, речь может идти либо о некоей теории боевых действий, либо о действительно имевшем место случае⁵. Л. Скуржак, поддерживая ход мысли О. Штайна, считает необходимым добавить, что рассказ Мегасфена о «священных и неприкосновенных» земледельцах передает отголоски древнего обычая, бытовавшего еще в эпоху Индской цивилизации⁶. А. Дзамбрини полагает, что сюжет о земледельцах, спокойно работающих на полях во время боевых действий, является следствием идеализации природных условий Индии, которые определили «идеальные» нравы ее жителей⁷ (впрочем, никакими аргументами свою точку зрения не подтверждает). По утверждению Э. Бикермана земледельцы в Индии «не претерпевают никакого ущерба от воинов, которые считаются с тем, что они «священны и неприкосновенны»⁸. В.И. Кальянов толкует свидетельство Мегасфена как воспроизведение им отраженного в трактате «Вриддха-харита» (VII. 216) запрета убивать тех, кто не участвует в боевых действиях. Мегасфен, на его взгляд, понимал, насколько гуманны были обычаи индийцев по ведению войны⁹.

Приведенные выше точки зрения, разумеется, имеют право на существование, однако представляются все же малоубедительными. О. Штайн и Э. Бикерман не предлагают никакого ответа на вопрос, почему же Мегасфен рассматривает описанное положение земледельцев как некий «закон». Различия в их подходе к проблеме заключается в том, что Штайн использует данный фрагмент «Индики» в качестве аргумента для утверждения идеализаторских тенденций в сочинении Мегасфена, а Бикерман, не найдя ничего сомнительного в утверждении посла Селевка Никатора, воспринял его буквально. В. Дикшитар оставил в стороне причины появления в тексте Мегасфена самого понятия «священности и неприкосновенности». Принять точку зрения Д. Дерретта также не представляется возможным, поскольку сама индийская традиция пеэстрит прямо противоположными установками, не имеющими ничего общего с теорией, предложенной им: нанесение врагу максимального экономического вреда во время боевых действий даже рекомендовалось в древнеиндийской литературе – артахаштре. Так, одной из целей войны провозглашается именно опустошение страны противника (КА VII. 15. 12; IX. 1. 34). Та же установка встречается и в эпосе (Мбх. II. 5. 43–54). Касательно положений В.И. Кальянова, следует подчеркнуть, что идея не убивать во время боевых действий мирное население прослеживается не только в упомянутом им трактате «Вриддха-харита» (который, кстати, относится к концу I тыс. н.э., и следовательно, вряд ли его положения, даже принимая во внимание «текущий» характер индийской литературной традиции, могли быть воспроизведены Мегасфеном): это своего рода «общее место», свойственное индийской литературной традиции в целом, отраженное, например в «Законах Ману» (IV. 167; VII. 91–93). Но связана эта идея отнюдь не с «гуманностью» правил ведения боевых действий, принятых в Индии, а с принципами варнового устройства общества: воинское ремесло – удел кшатрия, земледелие – вайшьи. И убийство земледельца могло рассматриваться именно как нарушение основ миропорядка, отраженных в традиции шастры. Кроме того, вышеприведенные данные из индийских источников содержат прямо противоположные установки.

Собственно индийские источники не дают информации, подтверждающей буквально сообщение Диодора о том, что земледельцы вообще или какая-то их часть во время

⁴ Dikshitar V.R.R. The Mauryan Polity. Madras, 1953. P. 354.

⁵ Derrett J.D.M. Megasthenes // Der Kleine Pauly. Studien zur Sprachwissenschaft und Kultururkunde. Bd III. Stuttgart, 1969. S. 1151.

⁶ Skurzak L. En Lisant Mégasthène. (Nouvelles observations sur la civilization indienne) // Eos. 1979. № 67. S. 73.

⁷ Zambrini A. Gli «Indika» Megasthene. II // ASNP. 1985. Ser. III. Vol. XV. 1. P. 832.

⁸ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 146.

⁹ Кальянов В.И. Некоторые вопросы в древнеиндийском эпосе // Махабхарата. Виратапарва. М., 1967. С. 152–153.

войн остается в безопасности. Для выявления как источника информации Мегасфена, так и ее терминологического насыщения, необходимо определить каким образом аналогичные сюжеты рассматривались в античной традиции. Для греческих писателей начиная с Гомера (II. I. 125; 368–369) между боевыми действиями и причинением максимального вреда сельскому хозяйству лежит самая прямая связь. Фукидид поднимал этот вопрос более шестидесяти раз (Thuc. I. 11. 1, 2; II. 5. 1, 8. 4–5, 8. 29; III. 23. 4; особ. III. 41. 3 и др.). Не обходит его стороны и Платон (Rep. 470. D). Для Ксенофонта земледелие во время боевых действий – совершенно немислимое занятие (Xen. Hell. III. 4. 19; V. 2. 16). То же самое он утверждает и в «Анабасисе» (II. 5. 19), и в «Киропедии» (III. 2. 2, 3. 15–17; IV. 1. 15). Постоянные междоусобицы середины IV в. до н.э., анархия в межполисных отношениях еще более усиливали эту зависимость. Грабеж вражеской территории продолжал тогда оставаться универсальным средством ведения войн. Именно это породило новую тему в греческой литературе: соотношение доходов государства и его благосостояния с вопросами войны и мира (см., например у Ксенофонта, Исократ, Евбула). А случаи «корректного» поведения во время боевых действий, вроде того, что описывает Мегасфен применительно к Индии, являлись лишь исключениями, все они объясняются в источниках либо военно-политическими мотивами, либо ожиданием большого выкупа¹⁰. И под «другими людьми», у которых принято во время боевых действий грабить и разорять все и вся (...παρὰ μὲν γὰρ τοῖς ἄλλοις ἀνθρώποις οἱ πολέμιοι καταφθείρουτες τὴν χώραν ἀυεώρητον κατασκευάζουσι... Diod. II. 36. 6), Диодор имеет в виду прежде всего греков. Как уже отмечалось выше, эти проблемы не были чужды и древнеиндийской политико-экономической мысли. Однако вряд ли установки на разорение подвластных территорий могли быть сообщены послу недавно враждебного государства, к тому же, «разоренная Индия» никоим образом не вписывалась в уже привычный образ процветающего и благоденствующего края, который уже сложился как в собственно литературной традиции, как и в общественном сознании – ведь на пустом месте образы индийцев в «Киропедии» Ксенофонта и сочинении Мегасфена появиться не могли.

Категория «священного и неприкосновенного», использованная Мегасфеном (и сохраненная Диодором), восходит к весьма распространенному в селевкидской административной терминологии определению, означавшему частичную независимость городов в ряде правовых вопросов¹¹. Для рассматриваемого сюжета главное, что привилегия асии могла предоставлять ее носителю возможность не подвергаться набегам со стороны предоставившего ее (статус «неучаствующего в боевых действиях»¹²) и освобождение от различных налогов и поборов, причем распространяться она могла не только на территорию святилища и города, в котором оно располагалось, но и на территорию округа (например, Jos. Antt. 13. 51; I Macch. 10. 31). Как известно, Мегасфен одно время жил вместе с сатрапом Гедрозии и Арахозии Сибиртием (Agt. Anab. V. 6. 2; Strabo. XV. 1. 36), следовательно, селевкидская административная терминология должна была быть ему хорошо знакома.

В научной литературе встречаются утверждения, что в основе сведений Мегасфена о сельском хозяйстве в Индии лежат его собственные наблюдения за работами в царских хозяйствах¹³. Однако в его «Индике» нет ничего, что указывало бы на этот

¹⁰ Об этом см. Фролов Э.Д. Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм. Экономика. Политика. Культура. М., 1990. С. 16–17; Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. С. 36–38. Более подробно этот сюжет представлен в следующих работах: Romilly J.de. Guerre et paix entre cités // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. P., 1968; Hanson W. Warfare and Agriculture in Ancient Greece. Pisa, 1983.

¹¹ Конкретный материал по проблеме на примере Месопотамии см. Саркисян Г.Х. Самоуправляющийся город в селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1952. № 1. С. 80; Дандамаева М.М. Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии // ВДИ. 1990. № 4. С. 19.

¹² Бикерман Э. Ук. соч. С. 146.

¹³ Бонгард-Левин Г.М. К проблеме земельной собственности в древней Индии // ВДИ. 1973. № 2. С. 16–17.

источник информации: он не говорит ни о месте, которое мог посетить вне Паталипутры, ни о принадлежности увиденных им земель, хотя описывая, например, образ жизни воинов, он точно обозначает место своего пребывания – военный лагерь Чандрагупты (Strabo. XV. 1. 53). Сфера интересов Мегасфена при сборе информации об Индии становится более ясной из сопоставления описания сельской местности с соответствующими данными в «Артхашастре» Каутильи (VI. 1. 80). Последний, например, сообщает, что сельская местность должна быть способной содержать себя и другие местности в случае бедствий. Богатство и плодородие индийской земли наглядно продемонстрировано Диодором (II. 36. 1–4) и Страбоном (XV. 1. 20). В соответствии со взглядами Каутильи сельская местность должна быть легко защищаема; то же самое видно и в описании Мегасфена: войны в случае необходимости могут очень быстро выступить в поход (XV. 1. 47). Развиваемую автором «Артхашастры» мысль о том, что сельская местность должна быть свободна от болот, каменистых мест, солончаков и других неудобий, поросших колючками и заселенных хищниками, можно сопоставить с описанием деятельности индийских пастухов, занятых, помимо своей основной работы, истреблением диких животных и птиц, уничтожающих посевы, которые мы находим у Диодора (II. 40. 6). Наличие в сельской местности пастбищ, рудников и лесов с ценными породами деревьев и слонами упоминается как в «Артхашастре», так и всеми античными авторами (Diod. II. 36. 2; Strabo. XV. 1. 29–30; Ag. Ind. 13–14). О сельской местности, которая не должна зависеть исключительно от дождя, говорит, в частности, и Диодор, описывая оросительную систему Индии (II. 36. 3). О том, что сельская местность должна быть способна платить налоги, подтверждают несколько авторов: Диодор, отметивший, что земледельцы, помимо платы царю за землю, поставляют еще 1/4 урожая (II. 40. 5), Страбон, написавший, что земледельцы выплачивают в качестве платы за аренду 1/4 урожая (XV. 1. 40), и Арриан, зафиксировавший сам факт выплаты податей царю или независимым городам (Ind. II. 9). Наличие же трудоспособных земледельцев отмечено у Диодора, который говорит о них как о «всеобщих благодетелях» – κοινὸὶ εὐεργεταί. Схожая картина сельской местности приводится и в индийском эпосе (Мбх. II. 5.65–73; 30.1–9). Следовательно, описание ее у Мегасфена, столь близкое содержащемуся в «Артхашастре» образу идеальной сельской местности (janapada-samprad), скорее всего говорит совсем не о реальной сельской Индии (в современной историографии вполне утвердилось мнение, что и «Артхашастра» воссоздает отнюдь не реально-исторические факты, но ход мысли самого *шастрина*). Совершенно очевидно, что из сообщения Мегасфена скорее можно видеть то, как представляли себе идеальную сельскую местность информаторы селевкидского посла. Показательно, что в предоставлении земледельцам статуса «священных и неприкосновенных» Мегасфен предусматривает тот же самый смысл, что и автор «Артхашастры», а именно – насыщение страны продовольствием, стремление избежать голода. В «Артхашастре» недвусмысленно говорится, что именно этим должен руководствоваться царь, заселяя и обустроив область. Появление этого сюжета в «Индики» обусловлено тем, что установки такого рода отсутствуют в греческой традиции. Встретив их в индийской, Мегасфен включил их в свое описание Индии.

Наиболее вероятным источником информации для Мегасфена о том, что индийские земледельцы не должны отвлекаться от сельскохозяйственных работ, могут быть основы варновой теории общества. На вопрос о его структуре, Мегасфен мог получить ответ, что обладать оружием и участвовать в боевых действиях могут лишь воины-кшатрии, а вайши должны заниматься земледелием. Принадлежность к определенной варне и возможность заниматься только одним видом профессиональной деятельности, разделявшей таким образом воинский труд и земледельческий, и следует рассматривать как τὰ ἰδιόματα, описанные Диодором. Сам статус варны земледельца запрещал человеку участвовать в боевых действиях. Речь в данном случае не идет о том, как происходил реальный набор в армию, а о том, какую местную традицию передавал Мегасфен.

В индийской традиции имеются установки, которые Мегасфену могли дать повод утверждать, что земледельцы не только не участвуют в боевых действиях, но и не несут во время них никакого ущерба. Так, Каутилья говорит, что при осаде вражеской крепости сельскую местность нужно оставить в неприкосновенности и постараться всеми силами переманить ее население на свою сторону, чтобы не тратить силы на ее обустройство после присоединения захваченной территории (КА. XIII. 5. 3–5). Именно такие установки местной традиции могли дать повод Мегасфену утверждать, что земледельцы обладают статусом «священных и неприкосновенных». Ситуация, когда сельскохозяйственные работы ведутся параллельно с военными действиями, не плод фантазии Мегасфена, но расшифровка не без влияния уже сложившегося к его времени образа Индии как страны чудес, понятия *ἱεροὶ καὶ ἄσυλοι* в духе отказа от узаконенных обычаев репрессалий (разбой, разорение хоры, захват имущества, увод скота), которым подвергались города, не обладавшие статусом «священного и неприкосновенного» и земледельцы в греческом мире.

То, что земледельцы, согласно Мегасфену, являются *κοινούς εὐεργέτας* – «всеобщими благодетелями» (Diod. II. 40. 4), свидетельствует о значительности их места в структуре государства в древнеиндийской политической традиции, основы которой, очевидно, были ему хорошо знакомы (например, КА III. 1. 29; VI. I. 1; VII. II. 24; VII. 14. 19). Определения индийских земледельцев как «священных и неприкосновенных», с одной стороны, и как «всеобщих благодетелей», с другой, данные Мегасфеном, не выглядят независимыми друг от друга. Как известно, титул благодетеля-эвергета мог даровать его носителю привилегию асиии – он сам и его имущество становились неприкосновенными¹⁴.

Иллюстративность и даже некоторая метафоричность употребления Мегасфеном этого термина отчетливо видна из того, что данный сюжет не нов для античной литературы. Ксенофонт в «Киропедии» (V. 4. 24–28) приводит следующий рассказ: Кир Старший при осаде Вавилона заключил с ассирийским царем договор, согласно которому война должна была вестись только между армиями, а земледельцы могли бы спокойно продолжать работу, не подвергаясь опасности нападения. В другом месте Кир (IV. 3. 12) говорит о значительных преимуществах, которые дает разделение воинского ремесла и земледельческого. Необходимо отметить, что сочинение Ксенофонта о воспитании основателя Персидской державы, являясь одним из первых в истории мировой утопической литературы, был своего рода программой действий по организации идеального государства, в котором были бы решены те проблемы, запущенное состояние которых все более ослабляло Элладу. Эта программа во многом предвосхитила эпоху эллинизма¹⁵. Этим сюжетом Ксенофонт стремился показать, как велики выгоды от разделения труда воина и земледельца: ведь последнему не придется оставлять свое поле на время боевых действий, и как велики потери от их совмещения и разорения полей во время столь частых для греческого мира войн. На необходимости разделения воинского труда и земледельческого настаивали Платон (Rep. 374 B-E; 547 B), Аристотель (Pol. 1291a; 1329b). Эта тема часто является сюжетом в общей полемике о кризисе Эллады в связи с неразделенностью общественного труда и, как следствие, о непрофессионализме исполняющих важнейшие государственные функции. Наиболее четко она отражена в трактате Ксенофонта «Воспоминания о Сократе». Так, Перикл Младший говорит о постепенном упадке Афин, вызванном этими причинами (Memorab. III. 5. 21). Сократ призывает одного из своих собеседников, получившего должность стратега, специально учиться исполнению своих новых обязанностей (III. 1. 2). В другом месте (II. 1. 7–8; III. 5. 21) он связывает необходимость подготовки тех, от кого зависит жизнь государства, с кризисом выборности должностей при классической демократии, когда ответственные посты занимали люди, совершенно к этому непригодные. Именно поэтому Сократ довольно

¹⁴ Gauthier P. Les Cités grecques et leur bienfaiteurs (IV-I siècles avant J.-C.) Contribution à l'histoire des institutions. P., 1985. P. 22.

¹⁵ Фролов Э.Д. Ксенофонт и его «Киропедия» // Ксенофонт. Киропедия. М., 1993. С. 253.

жестко критикует современные ему афинские порядки (III. 5. 14), призывая к их коренному изменению; далее (III. 7. 6) он с горечью заявляет, что Народное собрание состоит из всякой черни, которой совершенно нет дела до нужд общества. О необходимости детального знания своего дела, связанного с занятием одной профессией, как следствии кризиса современной ему афинской демократии, Сократ говорит особенно часто (I. 1. 9, 2. 3, 7. 2–5; II. 3. 7, 8. 5–6 и т.д.).

Выделим еще две детали рассматриваемого сюжета. Мегасфен прилагает к индийской действительности те категории, которые в предшествующей литературе обозначали наиболее желательное положение дел в Персии. То есть в поисках «живого идеала», не выдумки его, как у Ксенофонта, а именно в поисках, Мегасфен вполне мог рассудить, что «далеко» (Индия от Греции) – все равно, что «давно» (Персия времен Кира Старшего) для Ксенофонта. Ведь, согласно «канонам» древнегреческой литературы, утопические состояния государственной жизни могли быть обрисованы только на примере тех государств, которые отстоят далеко от современности или во временном отношении¹⁶ или в пространственном, как в случае с Мегасфеном.

Таким образом, понятие *ἱεροὶ καὶ ἄσυλοι* применительно к древнеиндийским земледельцам нельзя понимать буквально, будто бы сознательные войны специально оставляют их в покое во время войны и ни их самих не убивают, ни посевы их не уничтожают. В данном случае Мегасфен передал в доступных ему категориях выгоды от разделения воинского и земледельческого труда, постулированного варновым делением общества, дававшие возможность насытить страну продовольствием. Нет необходимости утверждать, что в «Индике» он каким-либо образом стремился идеализировать картину рисуемого им индийского общества. Однако под влиянием установившегося в греко-римском мире образа Индии как страны, в которой был реализован идеал государственного строительства¹⁷, истинное содержание этого понятия уже у Диодора Сицилийского уступило место его буквальному прочтению – положение индийских земледельцев, как «священных и неприкосновенных» хорошо согласовывалось со сложившимися стереотипами в восприятии Индии.

«THE SACRED AND THE UNTOUCHABLE»

M.D. Bukharin

The article raises the problem of the term «*ἱεροὶ καὶ ἄσυλοι*», used by Greek writers to denote Indian farmers. Consideration of its origin and range of use has enabled the author to arrive at the conclusion that the term does not attest to the idealization of social relation in India by Megasthenes. Nor should it be understood literally. It was borrowed by Megasthenes from administrative practice common in the Seleucid Empire in relations between cities and the power of the king. As applied to Indian farmers it conveyed basic principles of the caste theory of the structure of society. Megasthenes used categories accepted in the Greek world to pass over the material of the Indian tradition which gave answers to the questions relevant to the Greek world.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бухарин. Ук. соч. С. 148–149.